

МЭРИ РОЙС

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Враг моего отца ХОЧЕТ МЕНЯ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мэри Ройс

Враг моего отца хочет меня

«Автор»

2022

Ройс М.

Враг моего отца хочет меня / М. Ройс — «Автор», 2022

— Если мой отец узнает...— О, твой отец обязательно узнает, милая, — усмехаюсь я, прежде чем обхватываю девчонку пальцами за подбородок и нарочно причиняю боль.— Что вы собираетесь со мной сделать?— Многое, но вряд ли в этом списке есть то, что понравится тебе. Или твоему папочке.Замечаю, как она пытается дотянуться до ручки, и с досадой во взгляде качаю головой.— Я ведь предупреждал, без глупостей. Восемнадцать лет я ждал, чтобы отомстить своему врагу. И наконец сделал это. Ударил по больному — в моих руках оказалась его избалованная принцесса.ХЭСодержит нецензурную брань.

© Ройс М., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
1	8
2	14
3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мэри Ройс

Враг моего отца хочет меня

Пролог

Предупреждение: «Враг моего отца хочет меня» вторая книга цикла «Грехопадение». Книжки взаимосвязаны. Поэтому рекомендую начинать с романа: «Отец подруги купил меня». С любовью, Мэри Ройс.

Просыпаюсь посреди ночи, ведомая ощущениями внутреннего страха и тревоги. И они настолько сильные, что рваные короткие вдохи еще с минуту не позволяют мне прийти в себя. Снова снился кошмар, но сегодня он был реальнее, чем когда-либо. Проклятье. Провожу влажными от холодного пота ладонями по лицу, радуясь тому, что смогла вырваться из сна раньше, чем крик ужаса покинул мое горло.

Нет, это невозможно терпеть. Эти сны мучают меня уже целый месяц, и началось все после того, как однажды ночью мне показалось, будто я увидела в своей комнате мужчину.

Но стоит мне повернуть голову, как громкое аханье нарушает тишину, прежде чем я успеваю подорваться на кровати и попятиться назад.

Нет, нет, нет... этого... Этого не может быть.

Дрожа, натягиваю одеяло на быстро вздымающуюся грудь, будто оно способно защитить меня от незваного гостя, мрачной тенью стоящего у окна.

Зажмуриваюсь и трясую головой. Нет. Это все не по-настоящему. Всего лишь дурной сон, просто я еще не проснулась.

Мне ведь все это снится, верно?

Сейчас я открою глаза, и он исчезнет. Тяжело дыша, закрываю и снова открываю глаза, вот только проклятая тень не исчезла, наоборот, стала еще ближе. Господи...

Кажется, паника лишь усиливается и буквально застревает в моем горле непроходимым комом, пока мой растерянный взгляд бегло изучает того, кто вызывает во мне дикий страх.

Что, черт возьми, происходит?

Пытаюсь выдавить из себя хоть слово, но лишь беспомощно шевелю пересохшими губами под прицелом стоящего напротив и пугающего своим видом незнакомца. Я просто ошеломлена. Даже от одного взгляда чувствую, как колючие мурашки перебирают каждый сантиметр моей кожи. Пробираются сквозь нее прямо до костей, кусая их до раздирающего жжения.

И ничего приятного в этом нет.

Мне даже больно смотреть на него, смотреть и гадать, кто он и зачем явился ко мне? Почему так странно ведет себя? Молчит, уничтожая мои нервные клетки губительной тишиной, в которой слышно лишь мое рваное дыхание. И я не теряю зрительную связь с этим мужчиной лишь благодаря свету фонаря, долетающему в комнату с улицы.

С трудом, но я все-таки разглядываю его суровое лицо в обрамление короткой бороды, скользая беглым взглядом по небрежным прядям волос, ниспадающим ему на лоб, что лишь придают ему хищной энергетике. А мне дарят новую порцию страха.

И будь обстоятельства другими, я могла бы сказать, что он красив, но сейчас его очертания смазываются в одно пятно, ведь мои глаза застилают слезы. А потом мне и вовсе становится дурно, когда до просыпающегося мозга наконец доходит, что мужская тень выглядит ужасающе пугающей и действительно источает феромоны опасности.

От него исходит откровенная угроза для жизни.

Высокий, широкоплечий, тихий, руки убранные в карманы, и мне неизвестно, есть ли у него оружие, хотя уверена, он справится и без него.

Долбанное бездействие незнакомца вызывает в моей крови убийную дозу адреналина, порождая желание бежать без оглядки, вот только что-то мне подсказывает, что последний вариант ему не понравится.

Проклятье... мое сердце еще хлеще пускается вскачь и в полнейшем отчаянии бьется под ребрами, разбиваясь грохочущей пульсацией в ушах.

– Что вам нужно? – мой вопрос выходит более резким, чем я планировала, но лишь вызывает у незнакомца тихую усмешку.

Тихую и зловещую, от которой по спине пробегает холодок.

Несколько раз моргаю, только устрашающий мужчина, оказавшийся в моей комнате посреди ночи, не исчезает.

И уверена, что не хочу знать ответ на главный, звенящий паникой в голове, вопрос. Ничего хорошего ждать не стоит. Особенно когда я замечаю, как его царапающий взгляд скользит по моему телу, и проклятая простынь не спасает меня от него.

Аккуратно и, надеюсь, незаметно, я просовываю руку под подушку.

– Уходите или я поз... – замолкаю, когда осознаю, что моего телефона нет на месте. Что за...

– Ты не это ищешь? – холодно произносит мужчина, а потом я замечаю в его руках мой телефон, который он безразлично бросает на пол и одним движением ноги превращает в мусор.

Крик застревает в горле, не успевая вырваться наружу, но каким-то чудом я сохраняю самообладание и вскакиваю с кровати, начиная пятиться назад.

Секунда, и я бросаюсь в сторону двери, только оказываюсь лишь впечатанной в нее сильным мужским телом.

Задерживаю вдох, зажмуриваясь до искр в глазах, и кажется, сейчас умру, но потом оживаю новым криком, когда незнакомец наматывает мои волосы на кулак и, судя по приглушенному звуку, глубоко вдыхает мой запах, а после дергает так, что моя голова оказывается запрокинутой.

Теперь я вижу его ледяные глаза. И в них нет ни капли человечности. От этого осознания у меня перехватывает и без того поломанное дыхание. А слабость, которую я испытываю, находясь в руках этого грубого мужчины, не позволяет мне оказать и толики сопротивления.

Я могла бы попытаться, ударить, закричать, но боюсь, это будет последнее, что я успею сделать перед тем, как он свернет мне шею, которую прямо сейчас накрывает его шероховатая ладонь.

– Пожалуйста-а, не на-ад-д-о, – протягиваю с мольбой в голосе, но он глушит ее, когда смыкает пальцы вокруг моего горла.

– На твоём месте я бы не делал ничего, что мне не понравится, – рычит он мне в губы, а я лишь прикрываю глаза, мечтая, чтобы все поскорей закончилось. – Прямо сейчас ты упакуешь свою маленькую задницу и спокойно пойдешь со мной. Без истерик и не привлекая внимания. Если ослушаешься, пострадают близкие тебе люди.

– Я не... я не пойду с вами... Я буду кричать, – рвано и бессвязно срывается с приоткрытых губ.

Одним быстрым движением мужчина разворачивает меня и заключает в плен мощных рук, вжимая спиной в дверь, а я только сейчас осознаю, насколько он высокий и... взрослый.

– Обязательно будешь, – угрожающе уверяет он, пригвождая льдом в безжалостных глазах, а я практически задыхаюсь, словно выброшенная из воды рыба.

Отчаяние достигает своего предела, и крупные капли соленой горечи покидают мои глаза, выжигая след на щеках.

След боли и беспомощности.

– Вы не имеете никакого права...

– Кто меня остановит? – с насмешкой в глазах спрашивает мужчина, забирая от меня последние клочки надежды на спасение.

Что он собирается сделать? Причинить мне боль? Убить?

Господи... а что, если нет!

Я не должна об этом думать. Но я не могу...

Меня пугают собственные мысли, они подобно зверям набрасываются на меня, раздирают на части, мучают и делают глупой. Черт... облизываю губы и пытаюсь сделать успокаивающий вздох. Однако эмоции настолько острые и совсем не поддаются контролю, что я не сдерживаюсь и использую свой единственный козырь на возможное спасение.

– Если мой отец узнает...

– О, твой отец обязательно узнает, милая, – зловеще усмехается мужчина, прежде чем обхватывает пальцами за подбородок и нарочно причиняет мне боль. А моя идея с угрозой оборачивается полным провалом. Хуже. Именно после нее глаза мужчины вспыхивают чем-то темным, незнакомым и опасным. – Или ты выполняешь мой приказ, или сталкиваешься с последствиями. Выбор за тобой. Сейчас я отпущу тебя, и, если не будешь делать глупости, я не причиню тебе боль. Пока нет, – добавляет он с каким-то азартом в жестком голосе. – И еще одно, – замолкает и проводит большим пальцем по моей нижней губе, вырывая резкий выдох, после чего я замечаю, как его челюсти сжимаются, прежде чем он отстраняется и бросает с каким-то раздражением: – Никогда не воспринимай мои слова как просьбу. Я говорю, ты делаешь.

– Что вы собираетесь со мной сделать? – осмеливаюсь задать пугающий меня вопрос и сильнее вжимаюсь в дверь, чтобы незаметно приблизиться к ручке.

– Многое, но вряд ли в этом списке есть то, что понравится тебе. Или твоему папочке.

А потом его взгляд падает за мою спину и мужчина с досадой во взгляде качает головой.

– Я ведь предупреждал, без глупостей, – устало выдыхает он и делает ловкое движения рукой.

А в следующее мгновение в мою шею ударяет разряд тока, вынуждая тело обмякнуть, и меня поглощает беспросветная темнота...

1

Собственный стон вынуждает мои слипшиеся веки затрепетать, однако мне требуется время, чтобы сфокусироваться... Вот только на чем фокусироваться, когда вокруг сплошная темнота. И сколько бы я не моргала, она не рассеивается.

Несколько кадров из прошлой ночи внезапно вспыхивают перед моими глазами ослепляющими залпами. Они прошибают меня острым разрядом холодного страха, попадая прямо в вены, по которым иглой устремляются в мозг.

– Боже мой, – невольно вырывается из ходящей ходуном грудью, но я отчаянно не желаю и думать о том, что ночной кошмар оказался явью.

Паника снова крадет мое дыхание, а спутанный рассудок окончательно понимает, что это не сон.

Принимаю попытку поднять тяжелую голову, как вдруг слышу зловещий звук... цепей. Какого?..

Замираю, только лишь сердце клоочет под ребрами, и стараюсь проглотить разрастающийся в горле комок напряжения, но он становится лишь больше.

Делаю глубокий вздох и умоляю себя успокоиться, я просто обязана успокоиться. Страх делает меня слабой, мне нужно перестать думать о нем. Я ведь жива, верно? Хотели бы меня убить, убили бы, и сейчас я бы не пыталась освободить скованные наручниками руки. Вот только эти рассуждения ни черта не успокаивают!

– О господи... – срывается с пересохших губ, и я в панике начинаю дергать руками, будто не верю, что они прикованы к чему-то. – Нет, нет, нет...

Дергаю еще. Снова и снова причиняя себе жгучую, пронизывающую до костей боль, но просто не могу остановиться.

Лязг цепей беспрерывно бьет по ушам, подобно безжалостным плетям, и, не выдержав, я все же прекращаю вырываться, обречено утыкаясь лбом во что-то мягкое. Легкие работают в режиме гипервентиляции, забирая у меня последние остатки сил... Даже разрыдаться не получается, будто слез нет, лишь только их предвестники, застрявшие жжением в носу и горле. Я на грани. Меня похитили. И я совершенно дезориентирована, потому что в помещении отсутствует какой-либо свет. Даже окон нет.

Постепенно до меня доходит, что я лежу на кровати, прикованная к металлическому изголовью, но цепь длинная, наверное, я даже смогу спуститься на пол... Почему-то от подобного в груди распускается луч надежды. Ведь я могла бы валяться на холодном полу, полностью обездвиженная, или, того хуже, покалеченная... Разве не так делают похитители? А может, это просто какой-то розыгрыш? Пранк?

– Успокоилась? – вдруг раздается из темноты низкий, грохочущий голос, отчего в груди все сжимается, и я перестаю дышать, но мужчина продолжает: – Чувство беспомощности пугает, не так ли? – сквозь громкую пульсацию в ушах до меня постепенно доносится шуршание одежды, которое сменяется треском кремния. Такой звук обычно издает зажигалка, и я невольно встаю на колени, ища источник звука. Снова раздается щелчок, а потом в темноте вспыхивает мрачное лицо мужчины. И я узнаю его, и от этого узнавания волосы на затылке становятся дыбом, но вскоре черты незнакомца исчезают вместе с огнем. Жаль, что мое чувство страха нельзя погасить с такой же легкостью, как зажигалку, по простому щелчку пальцев. Опять темно. Только теперь я знаю, что больше не одна во мраке пугающей комнаты. И это осознание ни капли не успокаивает меня! От этого мне становится еще дурнее и я вновь предпринимаю очередную попытку освободить руки, однако добиваюсь лишь болезненного шипения. – Прекрати пытаться избавиться от наручников, – хладнокровно произносит он. – Это

бесполезно, максимум чего добьешься, гематом и ссадин. Последнее в твоём положении станет проблемой. Раны начнут гноиться, а я не знаю, сколько времени придется держать тебя здесь.

Сердито прищуриваюсь. От его нравоучений с налетом притворной заботы к горлу подкатывает комок желчи. Вдобавок я снова ни черта не вижу, но чувствую наблюдающего за мной монстра. И это начинает раздражать и пугать одновременно.

– Что вам от меня нужно?! – едва не рычу я в темноту, радуясь тому, что отчаянная злость все-таки затуманивает страх.

– Скоро узнаешь, – слышу скрип стула по полу, а следом тяжелые шаги, отчего в моих жилах стынет кровь.

– Не приближайтесь... – я тут же пытаюсь отползти, но путаюсь в цепи и лишь беспорядочно дергаюсь на месте, пока мои волосы не попадают в жесткую хватку, а после меня резко поднимают вверх.

– Ты, девочка Ася, не в том положении, чтобы раздавать указания, – хрипит незнакомец мне в губы, и я чувствую его мятное дыхание. Оно обжигает опасной близостью, пока я пытаюсь представить, как в данный момент выглядит его лицо. Потому что мужской голос не выдает ни единой эмоции. Будь он проклят!

– У вас будут проблемы, ясно?! – выплевываю я, часто дыша, но для пущей убедительности добавляю: – Мой отец придет за мной, и вы пожалеете!

Вот только в ответ я снова слышу тихий и угрожающий смех, после чего опять пытаюсь пошевелиться, но не получается, чужие пальцы еще грубее тянут за волосы, а широченная ладонь уже сжимает горло. Я не могу ни дышать, ни двигаться...

– Малышка, твой отец натворил много плохого, а ты, – мужчина медленно растягивает слова, будто дразнит меня, перед тем как убрать от моего горла руку. Правда и я, не теряя времени, жадно втягиваю носом воздух, пока спустя секунду меня не ослепляет внезапный луч света, – станешь расплатой за его грехи.

Что он несет?

Жмурюсь, пытаюсь привыкнуть к свету, который сейчас совершенно точно работает против меня. И мне приходится моргать до тех пор, пока черты мужского лица не становятся отчетливыми, а вся моя храбрость, каким-то чудом вспыхнувшая в крови, гаснет.

Потому что надо мной возвышается мужчина, чертовски злой мужчина, его холодные ярко-синие глаза горят черной ненавистью. Гневом и отвращением. И у меня совершенно нет желания признаваться себе в его красоте, вот только где-то глубоко в душе я делаю именно это...

– Вы... – первая нарушаю тяжелую паузу. – Вы, должно быть, шутите? Это же бред! Я не отец и не собираюсь отвечать за него!

Мой словесный поток заканчивается глухим аханьем, когда мужские пальцы грубо впиваются в мои щеки.

– Сейчас ты закроешь рот и разденешься.

Кажется, мои глаза выпадают из орбит, и я, снова забывая об опасности, отрицательно качаю головой. Надеюсь, в моем возрасте не случаются сердечные приступы, потому что мне кажется, я уже на пути к нему.

Незнакомец раздраженно цокает и толкает меня, а я приземляюсь на спину. Быстро моргая, пытаюсь отползти подальше, вот только мужчина не позволяет мне, быстро дергая меня за щиколотку. Я пытаюсь собраться с силами, готовлюсь сопротивляться, однако скрип двери останавливает моего мучителя, и мы одновременно поворачиваем голову в сторону звука. В комнату заходят несколько мужчин, а я не сразу понимаю, что у одного из них в руках камера.

Кто эти люди? Сумасшествие какое-то... Нет, я не хочу верить во все происходящее... Хочу домой... В кроватьку...

Беспрерывный поток мыслей бьется в моей голове подобно аритмии, патологии с большим эхом. В то время как я с ужасом изучаю двух вошедших мужчин, моим вниманием все-таки завладевает тот, что держит в руках камеру. И я не хочу знать, какого черта она ему понадобилась! От любой догадки мне становится тошно так же, как и от одного его вида. Слишком худой, метра два ростом с рыжей копной засаленных волос, а заношенные джинсы и кожанка дополняют образ, делая его похожим на бандита из сериалов, которые беспрестанно крутят по "НТВ".

– Мы не помешали? – произносит он мерзким голосом, соответствующим его внешности. Вот только резкая боль на щиколотке вынуждает меня пискнуть и перевести осуждающий взгляд на своего похитителя. Он делает мне больно, однако даже не смотрит на меня, а в следующую секунду и вовсе отпускает, оставляя ворох мурашек после своего грубого прикосновения.

Мужчина грозно выпрямляется, прежде чем сделать шаг в сторону новых гостей.

– Я неясно выразился? – гремит мой похититель угрожающим басом, но внешне остается спокойным. Абсолютно спокойным.

Вот только видимо этих улюлюков совершенно не останавливает стоящий перед ними пугающий мужчина.

– Извини, планы изменились. Босс дал нам новое указание, – возражает лысый бугай, делая шаг в мою сторону, и я невольно поджимаю колени к груди, ведомая новой угрозой. – Или ты хочешь оспорить его приказ? Забыл, кому обязан своей свободой?

Повисает короткая пауза, после которой раздается надменное фырканье.

– Я ничего не забываю, – холодно произносит мужчина, в руках которого еще мгновение назад была моя жизнь. – Кабаев получил свою долю, девчонка моя. Таков был уговор. Я имею на нее все права, это моя добыча. Уяснили? Поэтому повторяю последний раз, – он делает еще один шаг, чинно убирая руки в карманы черного пальто, – пошли на хер отсюда.

– Уговор изменился, – не отступает лысый и подходит ближе к моему похитителю. Лоб в лоб. – Ягумнов передал Кабаеву привет в весьма грубой форме, теперь наша очередь. Но ты, Бес, можешь порезвиться с нами, девчонка бойкая, на всех хватит, – с мерзким смешком подстегивает голову, а потом поворачивается ко мне и просовывает язык между двух жирных пальцев, имитируя...

Внезапно мое отвращение глушит звук громкого хлопка, и я закрываю ладонями лицо, прежде чем мужской вопль яростным эхом разлетается по всему помещению.

Часто хватая ртом воздух, я уже слабо понимаю, где грань реальности, та тонкая нить, связывающая меня с настоящим. Слишком много всего происходит, и мне хочется исчезнуть в непроглядную тьму спокойствия уже неважно, каким путем. Пускай даже эти улюлюки вырубят меня, ударив по голове.

Не знаю, зачем, но я выглядываю из-за ладоней и тут же встречаюсь с ледяными глазами похитителя. Секунда, две, три... хватаюсь за края матраса, тяжело проталкивая в пустые легкие воздух. Меня безумного пугает то, что я вижу в них, и я делаю резких вдох, ощущая, как неприятное онемение охватывает мои конечности.

– Бес, блядь, какого хера ты творишь? – вопит худой мужик, быстро вынимая из кармана мобильник, но похититель оказывается быстрее и уже через секунду мощной пятерней хватается того за горло.

Бес? Даже от его прозвища веет угрозой и проблемами.

– Убирайтесь, – рычит он, – и передайте Кабаеву, что я ни его щенок и уже сполна заплатил за свою свободу.

С этими словами похититель, небрежно толкает чувака с камерой и тот, опешив от такого отпора, пятится назад, растирая покрасневшее горло. А от меня не ускользает то, как этот Бес смотрит на свою жертву, словно на жалкого жука, которого он с легкостью раздавит ботинком.

– Ты... – беспокойно сглатывает худой, но быстро добавляет: – Ты совсем ебанулся. Из-за мелкой сучки на своих лезешь... Ты пожалеешь!

– Эта мелкая сучка подо мной, – будто уточняет для особо одаренных. И я в числе тех одаренных, потому что мне требуется пояснение фразы «подо мной». Я совсем не хочу оказаться под ним... – Еще раз увижу вас рядом с ней, эта учесь, – кивает он и пинает носком ботинка лежащего и стонущего амбала, – постигнет ваши головы.

Наступает затишье, прерываемое лишь скулежом подстреленного, а я все это время пытаюсь унять поднимающиеся вьюгой противоречия. Но мне не стоит прислушиваться ни к одному из них. Похититель не может быть моим защитником, потому что в первую очередь мне требуется защита от него самого!

Внезапно Бес наклоняется и, схватив лысого за шкирку, поднимает и толкает его в сторону худого. Новый стон боли глушит все вокруг перед тем, как эти двое едва ли не валятся на пол. Мне сложно разглядеть следующую картину, потому что мой похититель практически закрывает спиной обзор, но зато я прекрасно слышу кряхтения и наполненное мукой шипение. Проклятое любопытство побуждает меня приподняться и выглянуть из-за плеча Беса, а потом я замечаю, как те ублюдки расстреливают своего противника злобными и многообещающими взглядами. После этого дверь открывается и вскоре захлопывается, отрезая меня от доносящегося ворчания ушедших.

И тут меня озаряет новый тревожный вопрос: где я?

Бегло осмотревшись вокруг, я понимаю, что нахожусь в подвальном помещении, в углу стоит стул, а посередине кровать. Все, больше ничего нет...

Воздух сгущается холодом, когда до меня доходит, что мои онемевшие конечности свидетельствуют о том, что я замерзла.

Опускаю голову и качаю ей, заставляя себя выдохнуть напряжение. Ублюдки ушли, и наверное мне стоит этому порадоваться. Вот только не могу, ведь теперь я снова наедине с этим странным мужчиной.

Сидя на пятках, я еще некоторое время борюсь за спокойное дыхание, но, не получив желанного, обреченно поднимаю голову, заранее зная, что все это время из-за его пристального внимания мое тело охватывали колючие мурашки. Я почувствовала это, даже не глядя на Беса. Такие ощущения ни с чем не спутаешь.

Можно даже подумать, что он гребаный пришелец, обладающий способностью касаться меня на расстоянии и без рук забираться под кожу, но мои мысли рассыпаются пеплом, когда я вижу ухмылку похитителя. Такую, что от нее внутри все переворачивается. Давление подскакивает настолько резко, что я немного теряюсь от охвативших меня эмоций. Мне кажется, он действительно видит меня насквозь, как рентгеновский луч, а еще без труда читает мои мысли, которые, видимо, забавляют его, правда мужское лицо остается суровым. От этого осознания живот напрягается, и я начинаю ерзать на месте, ощущая себя ничтожной и слабой под его лапающим взглядом. А еще горячей каким-то странным чувством, потому что наличие на мне пижамы не мешает ему раздевать меня. Да, именно так, я чувствую себя голой.

– Хватит хлопать глазищами, Стрекоза, раздевайся и не испытывай мое терпение, – с каким-то раздражением бросает он. – У меня сегодня дерьмовый день.

Стрекоза? Эм-м... Я даже не знаю, что меня больше шокирует: прозвище или осознание того, что он собирается продолжить задуманное.

Мое бездействие слишком быстро приводит мужчину в бешенство, после чего с его губ срывается ругательство, и за два больших шага он снова оказывается рядом, ловким движением переворачивая меня на живот. С такой легкостью, будто я поломанная кукла, механизм которой находится на спине.

– Пора бы понять, я не люблю повторять, – слышу рычащее предупреждение, прежде чем понимаю, что на этом он не остановится...

Снова начинаю бороться, ерзая и крича «нет, нет, нет», пока моей кожи не касается холодное лезвие металла...

– Не смей... – мой крик срывается на шипение, но это лишь приводит похитителя в ярость, и за пару ловких движений и хруста ткани, он срывает с меня одежду. Гребаный абориген!

Внезапный порыв гнева смывает пронизывающей волной страха, и я замираю, дрожа под ним, потому что прямо сейчас Бес седлает мои ноги, ловко обездвигивая паникующее тело. Единственное, что теперь защищает меня от него, это маленькие трусики...

Мужчина будто нарочно провоцирует испытать меня дичайший ужас, проводя тупой стороной ножа по моим позвонкам. Пыхтя и жуя собственные губы, я утыкаясь лбом в матрас, обещаю себе: я вытерплю, смогу вытерпеть!

Вот только последняя унция самообладания ускользает из меня с громким аханьем...

Длинные шероховатые пальцы настолько бережно касаются моей спины, что мне хочется развернуться и плюнуть в его красивое надменное лицо. Однако моя смелость не возрастает ни на сантиметр, а напротив, испаряется, стоит ему начать внимательно и сосредоточенно водить ладонями, пересчитывая каждую косточку и не пропуская ни одного миллиметра моей чувствительной кожи. Все это приводит в замешательство, я не понимаю, что он делает, но мне достаточно того, как звенит мое тело, особенно когда мужчина сильнее нажимает на определенную точку, будто ища что-то под моей кожей. Что, черт возьми?

– Ты меня изнасилуешь? – срывается с моих искусанных губ, прежде чем я понимаю всю тупость прозвучавшего вопроса.

Мужчина молча слезает с моих ног, продолжая вести ладонями вниз и вынуждая меня вздрагивать вместе с тем, как ритм его касаний становится все интенсивней.

– Вряд ли, – с трудом доносится до железного мозга. – Малолетки меня не привлекают.

– Я не малолетка! – выпаливаю необдуманно.

Почему-то от его слов меня обжигает глупая обида. Дура, радуйся, а не ищи в себе комплексы. Судя по всему, умелые ладони окончательно лишают меня разума.

Внезапно они исчезают, оставляя после себя лишь колючие волны бегающих мурашек, которые кусают и бьют меня в слабые точки, будто заставляя тело просить новых прикосновений этих сильных ладоней.

– На спину, – прилетает мне в затылок, и я уже готова исполнить приказ, как вдруг понимаю, если перевернусь, моя голая грудь окажется у него на виду. Проклятье...

– Ты оглохла? – резко вылетает новый вопрос, давая понять, что терпение похитителя на грани.

– Нет... Я... Я должна накинуть что-нибудь...

– Блядь, – грубым рывком мужчина добивается своего, и единственное, что я успеваю, это скрестить на груди руки. Однако он с силой отрывает их и под мое аханье прижимает над головой, а потом, как бы я не противилась, нарочно задерживает сосредоточенный взгляд на моих сосках, которые от мужского внимания становятся болезненно твердыми. Господи... дай мне сил! – Не дергайся, Стрекоза, уяснила? – теперь его голос звучит на октаву ниже, по-прежнему наполненный режущим безразличием.

Моя грудь тяжелеет, поднимаясь и опускаясь с каждым тревожным вздохом.

Сглатываю, чтобы смочить пересохшее горло, и неуверенно киваю ему, замечая, как что-то темное вспыхивает в глубине его глаз. Божечки...

– Что в-вы делаете? – судорожно шепчу я, с ужасом следя за его руками, которые обхватывают мою шею, но совсем не злобно, просто прощупывая миллиметр за миллиметром, забывая даже за уши. Не думала, что эти руки способны на что-то, кроме как убивать и причи-

нять боль. Но видимо я ошибалась... Боже, кажется, я схожу с ума. Выносить близость его искрящихся снежной бурей глаз для меня сродни пытке, они убивают меня своей красотой. Вот только миг мимолетного спокойствия улетучивается, когда горячие руки начинают приближаться к моей груди, на что я зажмуриваюсь и резко выдыхаю, мне кажется, еще немного, и я впаду в кому...

– Дыши, – командует похититель, ловко проскальзывая мимо вздымающихся полушарий и требовательно проводя пальцами под ними, но у меня не выходит. Все это слишком... – Блядь, где этот гребаный чип, – бормочет себе под нос, теряя самообладание. – Эти сукины дети не могли так облажаться. – Его пальцы болезненно сцепляются на талии, и я роняю громкий вздох, снова и снова часто хлопая глазами.

Чип? О чем он говорит?

– Мне больно, – шиплю я сквозь крепко сжатые зубы, будто ругая собственное тело за то, что совершенно не согласно со мной.

– Тебе больно? – явно издеваясь, насмехается он, однако продолжает лапать меня. Сво- лочь! – Стоило позволить моим приятелям показать тебе, чего заслуживает избалованная принцесса Ягумнова, – будто пощечиной прилетает мне. – Они бы не стали с тобой церемониться, отымели бы в каждую щель.

Резкое и грубое высказывание обжигает обидой, но, разумеется, ответить ему не хватает сил, потому что он двигается к моим бедрам, близко к тому месту, где совершенно точно не должны оказаться его грязные руки.

Отказываясь воспринимать происходящее, я уже нахожусь за туманом, ведущим к обмороку, как вдруг понимаю, что мое тело свободно.

Рядом с моей головой приземляется что-то тяжелое, однако не успеваю я сфокусироваться на вещи, как надо мной снова возвышается мужчина и, схватив меня за руки, отстегивает наручники. Тихий, приятный щелчок так сладко звучит свободой.

– Надень это, если не хочешь ловить на себе похотливые взгляды. У меня нет ни желания, ни возможности круглосуточно караулить ублюдков, желающих заполучить твою задницу.

2

Последующие несколько дней были сущим адом принятия неизбежного. И в какой-то момент мне уже казалось, что прошло гораздо дольше, чем два, а то и три дня. Целая вечность в одиночестве, моих криках и слезах отчаяния.

Я слишком быстро сходила с ума, позволяла страху подавлять любую возможность выстоять в глухом одиночестве и боли, что постепенно завладевала каждой клеточкой моего тела.

Все чувства обострились, количество неприятных ощущений зашкаливало. Матрас, что в первый день показался мне мягким и комфортным, теперь напоминал трескающийся гравий. Из-за ограниченности движений и колючего, огромного свитера тело буквально задыхалось, скованные руки ломило от железных браслетов, горло горело от засухи, а желудок сворачивало от раздражающего голода.

Сегодня я начала жалеть, что, благодаря гордости и дурному характеру, отказывалась от еды и питья. Мои вспыльчивые поступки обернулись против меня, и я абсолютно ничего не добилась.

С того момента, как я переоделась и снова оказалась закованной в цепи, похитителя я больше не видела. Не скажу, что меня это расстраивало, но бесило жутко. Незнание и ожидание были подобно страшному триггеру, а раздражающие язык вопросы доставались пустым стенам.

Ведь за все это время в помещении практически никто не появлялся, разве что один парень, который совершенно не разговаривал со мной. Приносил мне все необходимое для справления нужды, а еще еду, после чего уходил.

И если от последнего я могла отказаться, то полный мочевой пузырь не давал мне возможности махнуть рукой на естественные потребности, вынуждая меня унижаться. Ходить под себя у меня не было ни малейшего желания, я и так задыхалась затхлым запахом, наполнявшим темницу. Правда я была благодарна и тому, что в такие моменты парень выходил за дверь. А еще он не казался мне плохим и я не могла понять, почему он здесь, среди вонючих ублюдков, для которых человеческая жизнь ничего не стоит.

Возможно, в нем я видела того, кто способен мне помочь или хотя бы ответить на мои вопросы.

Вот только сегодня его нет слишком долго, потому что привычного запаха еды, появляющегося вместе с ним, давно не чувствовала.

Внезапно в темноте раздается щелчок, и сердцебиение уже по привычке начинает зашкаливать, сбивая все биоритмы в организме. Я каждый раз думаю, что к этому можно привыкнуть, но ошибаюсь. Не выходит. И вот я снова теряюсь в эмоциях, затапливаемых меня до самого горла. Но сегодня все ощущения будто острее, на самом пике, сильнее и невыносимее.

Приподнимаюсь на кровати под звон цепей и только сейчас понимаю, насколько слабая, руки кажутся грузными и неподъемными. Тяжелые шаги разбиваются во мраке гулким эхом, и я делаю несколько рваных вдохов, позволяя мятному шлейфу проникнуть в самые недра легких. Это он...

Щелчок, и свет заполняет меня тяжелым чувством, но в следующее мгновение глаза ослепляет вспышка, и мне приходится зажмуриться от боли в глазах, будто у меня последняя степень светобоязни. А потом до меня доходит, что, скорее всего, это был фотоаппарат или телефон... Неважно, важно то, что меня сфотографировали в таком ужасном состоянии.

Я с трудом подавляю желание расплакаться, слезы не избавят меня от мучений, они делают только хуже. К тому же, во мне, наверное, и жидкости то нет, а слезы уподобились бы крупитцам песка из самой жаркой пустыни Сахара.

– Твой папочка хочет убедиться, что его дочурка жива. – Вздрагиваю от прикосновения горячих пальцев, а потом мою голову резко задирают вверх.

Не успеваю я сосредоточить взгляд, как на подбородок болезненно надавливают, и в рот попадает холодная жидкость, вынуждая меня закашляться. Однако сдвинуться с места мне не позволяет та же рука, что намертво вцепилась в мое лицо.

– Не думай, что я позволю тебе сдохнуть, – раздается грубый голос у самых губ, и кажется, я перестаю дышать. – Ты будешь жить, Стрекоза, и если потребует, есть и пить из моих рук. До последнего вздоха своего папаши, пока я не заставлю сдохнуть его в муках агонии. Так как он этого заслуживает.

Мужская грубость и запах мяты не оставляют место догадкам. Это он. Сомнений больше нет. Мой похититель снова здесь, и что-то мне подсказывает, что узнавать его ближе будет мучительно больно.

В каждом брошенном им слове искрит ярая ненависть, и я лишь пытаюсь понять, почему он все это делает? Чем я заслужила его жестокость? Что такое страшное сделал мой отец, раз за этот поступок заставляют отвечать его ребенка?..

И все-таки во мне еще есть место на обратную ненависть, на это мне хватает сил и если бы могла, плюнула бы похитителю в лицо. Но вода, что секунду назад попала в пересохший рот, впиталась слишком быстро, а я наконец поняла, до какой степени хочу пить, эта жажда сильнее всего на свете, она пересиливает даже собственную гордость... Буквально ломает меня. Потребность жить еще слишком реальная. Проклятье. Моя голодовка оборачивается против меня...

– У меня нет времени на твое воспитание, ясно?! А если оно появится, ты не обрадуешься.

Моргаю. И злюсь, что перед глазами все еще мутная картина, лишь фактурный голос позволяет мне понять настроение своего мучителя.

– А сейчас ты сядешь и поешь, поняла? – его рука перемещается мне на затылок и медленно наматывает мои уже грязные волосы на кулак, прежде чем он снова подносит их к своему красивому и жестокому лицу. Именно в этот момент я понимаю, насколько близко он ко мне, а царапающие льдом глаза исследуют мои губы в опасной близости. И почему-то в таком интимном диапазоне я начинаю чувствовать себя грязной. Ущербной. Ничтожной. От него пахнет дорогим парфюмом, обжигающей мятой и терпким табаком, а от меня? Потом, пылью и слабостью...

На моем фоне он само совершенство, а я лишь грязь под его ботинками. Только вот почему этот мужчина не брезгует трогать подобную грязь...

Однако, несмотря на свое подавленное состояние, внутри все противится. Я не стану его подстилкой и рычагом против собственного отца. Я выживу. Но для этого мне нужно усыпить бдительность ублюдка, державшего меня взаперти. Мне нужно выйти отсюда любыми путями. Даже если придется сломать саму себя.

– Я поем, если вы дадите мне принять душ, – едва шевелю потрескавшимися губами, – и чистую одежду.

Бес испускает раздраженный вздох, а хватка на моих волосах усиливается и причиняет мне боль.

– Послушай меня внимательно, девочка Ася, мои приказы не обсуждаются. Если я сказал есть, ты берешь и делаешь. А будешь рыпаться и выставлять условия, лишишься последнего комфорта под своей задницей.

Я заглядываю в его холодные глаза со всей своей ненавистью, но она разбивается о его презрительное безразличие. Ему наплевать на меня. От его ледяной человечности все внутри покрывается инеем, и страх по новой охватывает каждый клочок моей души...

– Зачем вы это делаете? – выходит из взволнованной груди слишком робко, и я кусаю себя за язык, будто ругая за оплошность.

А потом повисает пауза, после которой Бес бросает на меня предупреждающий взгляд и качает головой:

– Я делаю то, что должен.

Молчу. Выдерживаю его уничтожающую близость и острое жжение на затылке, едва не рассыпаясь по крупичам. Но отводить глаза и прятаться больше не буду. Позволю ему запугать себя, и от меня точно ничего не останется. А главное, это принесет боль моему отцу. Я не должна давать им повод сделать родителя слабым.

– Я перенервничала, извините, могу я поест? – наконец хриплю я шепотом, позволяя своим большим глазам достучаться до его железной души, но, не увидев и толики трещины милосердия в его льдах, сглатываю деревянным ком засухи.

Мужчина еще несколько секунд пристально наблюдает за мной, будто думает, как ему поступить, однако вскоре отпускает волосы и произносит, все еще нависая мрачной тенью:

– Открой рот.

Я немного ошарашена его командой, поэтому несколько долгих секунд лишь моргаю широко распахнутыми глазами, мечтая, что прямо сейчас потолок рассечет молния и испепелит это бездушное чудовище. Превратит в горстку пепла, которую я оставлю под своей ногой... Но, как бы это ни было печально, скорее всего, эта участь ожидает меня, ведь его взгляд прекрасно имитирует безжалостные молнии, поражающие меня в самую душу. Рот сам по себе раскрывается, пока я, не взирая ни на что, изучаю нависающего надо мной Беса. Наверное, радуюсь тому, что глаза привыкли к свету, и я могу в полной мере использовать их. Глупо испытывать интерес к своему похитителю, но из-за недостатка какого-либо другого общества невольно рассматриваю его.

Мужчина в том же черном длинном пальто, только сегодня оно расстегнуто, а его руки убраны в карманы брюк. Так полы распахнуты еще больше, что позволяет мне свободно скользнуть взглядом по плотно облегающему крепкое мужское тело бадлону в цвет пальто. Ткань доходит до самого горла, заканчиваясь практически у подбородка. Уверена, и душа у него как непроглядная тьма, которой за последние несколько суток стало слишком много в моей жизни. Внезапно я с испугом замечаю, как Бес что-то достает из кармана и пальцами свободной руки подцепляет меня за подбородок.

– Мне повторить? – сверху гремит строгий голос, и я бросаю на него взгляд исподлобья, чтобы придать себе хоть малейшую значимость. Естественно, моя реакция не нравится мужчине, и тогда его пальцы причиняют мне новую порцию боли, после чего я быстро качаю головой и неуверенно открываю рот шире. Бес вынимает шпатель из какой-то колбы и неаккуратно проводит им по внутренним сторонам моих щек, невольно вызывая у меня рвотный рефлекс, вместо которого выходит лишь надрывной кашель. Желудок пуст, а горло переживает времена засухи и кажется, кашель раздирает слизистую до крови.

– Теперь можешь поест, – равнодушно бросает он и, закрыв колбу, убирает ее обратно в карман пальто.

Пошел ты! Пошел ты! Пошел ты! Хочется заорать ему прямо в лицо, но у меня нет сил ни на крик, ни на возможность приблизиться к его лицу.

Несмотря на колючую злость под кожей и желание рвать и метать за такое отношение к себе, мои дрожащие руки едва помогают удерживать слабое тело в полусидячем положении.

Слабая тряпка.

Хотя, с другой стороны, сейчас эта слабость только мне на пользу. Если бы мой язык работал в привычном режиме, то есть быстрее мозга, наверняка меня бы уже вернули отцу по кусочкам. От подобной мысли внутри все сжимается...

– Это что, соскоб для анализа? – выходит сипло, и мне приходится прочистить горло, что причиняет дискомфорт. – Зачем вы это сделали?

– Не хочу ничего подцепить, когда твой рот будет занят более полезным делом, – мужчина говорит это таким обыденным тоном, что каждая клеточка во мне готова воспротивиться. Ведь я прекрасно понимаю, в какую сторону клонит этот подонок... Но моя беспомощная ярость и мысли улечиваются, когда на кровати появляется бутылка воды и коробка с китайскими иероглифами, в таких обычно бывает вкусная и ароматная лапша.

И пусть я покажусь уязвимой, но позволяю голодной слюне затопить пустой желудок, когда аромат теплой еды затуманивает мой мозг. Даже мираж члена Беса в моем рту не помогает затмить ярое желание наброситься на жалкую подачку от своего похитителя. Господи, я такая голодная, что в животе все болезненно посасывает и урчит... чувствую себя самым настоящим животным, которому бросили окровавленный кусок мяса, и все инстинкты подавляют любую возможность сопротивляться этому.

Сглотнув вязкую слюну, я принимаю попытку оторвать руки от матраса и приблизиться к еде, но тут же, пошатнувшись, упираюсь ими в кровать.

Зажмуриваюсь до белых мушек перед глазами, чертово головокружение. Чертовы оковы. Чертова жизнь!

Делаю глубокий вдох, как вдруг мрачная тень, стоявшая надо мной, двигается и снова позволяет ощутить сладкую свободу, когда Бес снимает наручники, сбряканьем приземляющиеся рядом.

Не собираясь его благодарить, с трудом усаживаюсь, скрещивая ноги по-турецки, и беру дрожащими пальцами палочки, торчащие из коробки, однако запястья настолько затекли, что кажется, руки совершенно меня не слушаются.

Попытка за попыткой не дают никаких результатов, еда ускользает от меня, как по закону подлости, но вдруг матрас проминается, а палочки исчезают из моих рук, прежде чем я успеваю осознать это.

– Повторюсь еще раз. Ты в моих руках, моя пленница, вещь, моя игрушка. Ты никто, ясно? Поэтому не становись моей обузой. Не вынуждай меня избавляться от тебя раньше времени. Еще раз доведешь себя до такого состояния... – Хватит меня пугать! – резко выпаливаю, до боли сжимая в кулаках покрывало. – Хотел бы убить, убил бы! – огрызаюсь, ведомая жутким раздражением, беспомощностью и голодом. Я готова наброситься на него, лишь бы он уже заткнулся и просто помог еде попасть в мой рот.

Только вместо этого я получаю надменный смешок и убийственный взгляд из-под густых черных ресниц, который снова показывает мне, какая я жалкая.

Высокомерный ублюдок!

Даже без слов он способен заставить меня почувствовать себя ничтожеством. И мне отчаянно хочется вцепиться ему в глотку, огрызнуться, показать, что я не достойна такого отношения.

Но ведь сейчас сама нарываюсь, а Бес не откажет себе в этом удовольствии. Вижу, что не откажет. В звериных глазах появляется огонь, который с каждой встречей становится жарче. Азартнее. Опаснее.

– Ты думаешь, смерть это самое страшное, что может с тобой случиться? – звучит угрожающе и многообещающе, но даже сейчас его голос не кажется мерзким, какая бы грязь не лилась из его рта, слова выходят до абсурда благородными и... честными. – Ты еще не поняла? Ты в моей власти, Стрекоза. Твои прихоти здесь исполнять никто не будет. А я без каких-либо последствий могу сделать с тобой все что угодно.

– Но почему-то не делаешь? А я знаю, почему, потому что я нужна тебе живой, – выпаливаю слишком резко, черт возьми, я позволила себе завестись... вот только больше не собираюсь заискиваться перед этим козлом, поэтому продолжаю в той же манере, может так мои

мучения действительно быстрее закончатся? – И ты не просто так выгнал тех ублюдков! Ты не хочешь, чтобы ко мне прикасался кто-то кроме тебя! Я не дура и вижу, как ты смотришь на меня! Так мужчина смотрит на женщину! – Господи, что я несу? – Женщину, которая сводит его с ума! Ты сам хочешь меня, но делаешь вид, что это не так! Переубеждаешь, боясь того, как я действую на...

– Закрой рот, пока я не вставил в него свой член, – он произносит это так непринужденно, что моя бравада тухнет как фитиль, а дыхание ломается. От услышанного даже желудок превращается в камень. – А теперь займись делом, раз такая говорливая. – Бес протягивает руку и подносит к моим губам еду, у меня же даже не получается сделать вид, что я не хочу есть, потому что настолько нуждаюсь в еде, что слишком быстро заглатываю лапшу с палок, едва не давясь ею.

Слышу тихую усмешку, и почему-то получаю укор униженного смущения. Чувствую себя его собачонкой, которую он кормит ради забавы.

– Но ты права, я не люблю, когда к моим вещам притрагиваются другие.

Вещам? Внутри что-то щелкает и волна злости молниеносно бьет прямо в мозг.

– Я не вещь! – кричу и выбиваю из его рук палки, которые в полной тишине звучно приземляются на бетонный пол вместе с лапшой.

Твою мать...

Так и замираю, с ужасом глядя на застывшего мужчину в два раза больше меня и страшнее, чем кто-либо, кого я видела в живую...

Вот сейчас мне действительно становится страшно. Он даже не смотрит на меня. Я не вижу его колючих и режущих, словно лезвие, холодных глаз, но чувствую это по одной исходящей дикой энергетике, отравляющей последние атомы воздуха.

А потом Бес просто встает и, не обращая на меня никакого внимания, вываливает еду на пол у подножия кровати, бросая сверху лапши и саму коробку.

Уже через мгновение он по новой нависает надо мной, вынуждая сердце разбиться о непроглядную тьму его глаз.

Похититель молча хватается за руки, поднимает наручники, но тут же останавливается, сосредоточенно разглядывая гематомы и следы от железных оков вокруг моих запястий, и свежую ранку на косточке.

Смотрит секунду, две, три, кажется, даже слышу, как скрепят его зубы, а дыхание жаром валит из носа, прежде чем он отбрасывает наручники и отпускает меня, оставляя колючие обручи от прикосновений жестоких пальцев.

Слишком поздно я понимаю, что он уйдет, а я опять буду задыхаться в одиночестве, ни на шаг не приблизившись к возможности выйти за пределы темницы. Поэтому даже не понимаю, как подрываюсь с кровати и пускаюсь следом, успев зацепиться за край мужского пальто, но тут же падаю, теряя с губ молящий крик, тонущий в болезненномestone:

– Пожалуйста, остановись... Можно мне хотя бы помыться?

С минуту спина, напоминающая суровую скалу, стоит неподвижно, а потом двигается с места, унося с собой мятный запах мучителя и крошечную надежду на то, что моя просьба смогла доползти до его сердца.

Оно ведь должно быть у каждого человека, верно?

3

МИША

Вылетаю во двор и резко останавливаюсь, быстрыми движениями прикуривая сигарету. Затем достаю телефон, чтобы отправить сообщение Мирзоеву, парню, которому приказал следить за Стрекозой и кормить ее в мое отсутствие. Пусть отведет девчонку в душ. Никто не посмеет ему помешать, потому что теперь каждый кусок дерьма в штабе знает – она неприкосновенна.

Треклятая девчонка!

Она не заслуживала и крошки хлеба за такую дерзость, хотя я солгу, если не скажу, что вместо палок в ее рту мне виделась более полезная вещь. Чертовка определенно нарывалась на мой член. Уверен, сделай я подобное, Ягумнов сломался бы пополам, выпустив наружу кровавые позвонки.

Вот только какого хера я не выполняю и трети того, что планировал изначально? Почему позволяю дерзить? Кусаться? Почему только за это не свернул малолетке хрупкую шею? Не хочется, сам не знаю, почему, а самое главное, не понимаю, что вообще мне надо от нее. Но точно не лишиться жизни. Пока нет.

А ведь я уже должен был сломать девчонку, заставить Ягумнова выть от беспомощности, боли, которую ничем не выдрать из груди. Так же как выл я сам, находясь в клетке, когда узнал о смерти матери и не имел возможности попрощаться с ней, потому что, блядь, погибал в каменных джунглях колонии строго режима. Из-за гребаных братьев.

Раненый волк среди шакалов, дважды находившийся на грани жизни и смерти, волк, ждавший обещанной свободы, в итоге под пылью многолетнего обмана превратившийся в такого же шакала, которые меня окружали.

Выживал, как зверь среди зверья. Дикого. Безумного и безжалостного. Пятнадцать лет гнил в месте, где никому не известно о человечности и доброте. Там эти понятия звучали как пустой звук, раздражая душу каждого обманутого шакала. Мечь. Единственное, чем мы кормили своих внутренних демонов.

Мечь, единственное, что имело для меня смысл и давало стимул жить.

Так о какой человечности идет речь? И какого черта, пусть даже мысленно, я произношу это слово? Во мне нет места для подобного дерьма.

Тогда, блядь, почему эта избалованная девица до сих пор даже и не подозревает, что я намеревался сделать с ней? Твою мать, каждый раз она останавливает меня, посылая своими глазами разряд молний прямо мне в грудь, маленький громовержец.

Знаю, что пожалею о собственном попустительстве, и, возможно, очень скоро, ведь даже закованной в наручники, грязной, в поношенной одежде, ей удастся смотреть на меня с вызовом, словно она гребаная королева.

Скорее всего, она сама не осознавала этого, потому что ее буквально колотило от эмоций. Кажется, вот она, со слезами на глазах трясется в моей руке от страха и непомерного ужаса, но сколько бы я не пытался, просто-напросто не мог получить от этого удовольствие, которого желал и должен был испытывать. Потому что в то же время я видел в этих же глазах мужество и решительность. Ведьма всегда смотрит мне прямо в лицо. Что пытается разглядеть в нем? Или может достучаться до меня? Зря тратит время. Отпускать я ее точно не собираюсь. А наказывать всегда успею.

Такими темпами долго ждать не придется, доведет, и заставлю по-плебейски опускать голову вниз, как только учует мой запах. Вот только пока ее поведение абсолютно не соответствует поведению классической жертвы. Пленницы. Запуганной вещи. Неужели мало этой

мажорке, привыкшей к тепличным условиям, уже созданных мною жестких мер? А еще эти огромные глазница, их цвет прорзал слой за слоем моей мертвой души. И всякий раз, когда я находилсь близко к девчонке, всегда видел в них малейшие волны ярости и ненависти, отчаяния и боли, безразличия и принятия. И каждая проклятая эмоция обладает своим цветом.

Ярость пылает злыми зелеными языками, отчаяние – золотым песком боли, а безразличие – зеркалит серым аквамагрином.

Блядь, целый калейдоскоп.

Кажется, до встречи с ней мои глаза были блеклыми, зато ее в действительности напоминают редкий дар природы.

Стрекоза.

Первое, что слетело с моего языка при виде них. Сам не знаю, зачем дал ей это прозвище, ни к чему это. Но слишком быстро эта девушка становится моей вредной привычкой. А с такими, как известно, одни проблемы.

Вот и я не смог от нее отмахнуться.

Слишком долго отказывал себе в этом. Слишком долго жрал как падальщик, снующий вокруг мусора. А сейчас в моей пасти самый что ни на есть элитный кусок мяса. А если он еще и с кровью, это будет вдвойне приятней для моего затравленного зверя.

Поэтому, когда Кабаев предложил раздеть девчонку, чтобы повеселиться и снять видео для будущего зрителя, я отказал. Не хотел делиться с кем-то своим лакомым куском. Уже на каком-то инстинктивном уровне я по-своему защищал ее, и пусть меня это чертовски злило, я не мог ничего с этим поделать.

От одной только мысли, что ее тело облизывала бы ни одна пара глаз, меня разрывало от ярости. Лихорадило так, что становилось душно. Тошно от самого себя. Мерзко от желания, которое было совсем неуместным. Однако это ни на унцию не приглушало порыва убить того, кто тронет ее. Своих. Чужих. Любого. Она моя. И только я буду ее палачом. Потом разберусь зачем и куда, главное, дать понять ублюдкам, что это моя работа. Целый месяц я рисковал шкурой и выслеживал ее. Достал то, что не готов делить ни с кем-либо. А Кабаеву и так привалило с того, что я перехватил ни одну поставку оружия Тихого.

Но самое опасное оружие оставил себе. Чертов кретин. Уверен, вскоре я пожалею о своем опрометчивом поступке, но не перестану убеждать себя в том, что все это и есть месть.

Я заставлю Ягумнова ползти на коленях, стереть их до кровавого мяса, в то время как его мозг будет превращаться в фарш от догадок, что я делаю с его дочерью.

И я сделаю, несмотря ни на что.

Правда сначала поиграю с маленькой стервой, выпью ее, как оживляющий эликсир. Ломать ее будет слишком сладко, особенно когда она снова будет смотреть на меня своим высокомерным взглядом, будто я не достоин и сантиметра ее каблука. Такая же, как и ее папаша. Эта девчонка вообще в курсе, насколько может раздражать и провоцировать одновременно? А ее острый язык... острее ножа, ей-богу.

Делаю еще одну затяжку и выпускаю горький дым вместе с успокаивающим выдохом. Но потом матерюсь, бросая окурки под ботинок, и тут же возвращаюсь обратно. Сам не знаю, зачем. Попытки переубедить себя тщетны. Ноги предательски несут в подвал, только там уже никого нет, отчего гнев пронесется горячей волной по венам.

– Твою мать, – рыкнув, громко хлопаю дверью и пускаюсь напрямиком к душевым. Лестничный пролет быстро сменяется вторым, третьим, прежде чем я добираюсь до длинного коридора, в конце которого вижу своего человека и теперь стремительно двигаюсь к нему. – Свободен, – бросаю приказ, грубо сжав плечо парня, на что тот лишь испуганно смотрит на меня. – Иди, Вася, на сегодня ты свободен, – повторяю требовательней и, получив от него короткий кивок, захожу в душевые.

Я даже не понимаю, как все вышло из-под контроля, этот рефлекс не поддается даже мне, потому что все, о чем я могу думать, это о том, что Мирзоев мог... Последняя мысль обрывается, и я перестаю дышать...

Черт возьми, я совсем не готов к тому, что вижу.

Делаю глубокий вдох, изо всех сил стараюсь не вести себя как одержимый извращенец, вот только глаза упрямо продолжают царапать стройное подтянутое тело, конкретно залипая на слегка округлых, сочных бедрах.

Стискиваю челюсть от неконтролируемой волны больного воображения и встряхиваю головой, пытаюсь выбросить мысль о том, с каким шлепком моя ладонь коснется ее задницы. Но тщетно, пульс предательски ускоряется.

– Блядь, – выдавливаю сквозь зубы, прикрывая глаза и делая еще один успокаивающий вздох, который не помогает заглушить жжение в позвоночнике, пробирающееся горячим потоком к члену.

Я же уже видел ее голой, черт возьми, даже трогал, но сейчас это лишь дополнение к тому, что теперь открывается моему взгляду.

Под струями прозрачной воды Стрекоза напоминает мне фарфоровую куклу с гладкой нежной кожей, которую я игнорировал при осмотре чипа, и с волосами цвета молочного шоколада, ниспадающими жидким шелком на выпирающие ключицы.

Однажды забравшись в ее комнату посреди ночи, я не удержался, потрогал лоснящиеся в лунном свете локоны и чуть не сдох от того, какими мягкими они ощущались между моих грубых пальцев. Тогда мне казалось, что ничего нежнее в своей жизни я еще не трогал. А это милостивое лицо безропотной лани, оно лишь гребаная маска обладательницы стойкого и невыносимого характера, который уже дает о себе знать, периодически показываясь из-под налета шока и страха. И я помню эти дрожащие от различных эмоций пухлые губы, не оставшиеся без моего внимания даже сегодня, когда они были потрескавшимися и обезвоженными.

Вот что в ней такого? Почему стою и вылизываю ее глазами как пацан, впервые увидевший голую задницу, однако игнорировать те странные эмоции, что подобно мелким занозам нарываю под кожей, не получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.